

деятель науки Таджикистана — был избран действительным членом Академии наук СССР.

Сын таджикского крестьянина-бедняка, жившего в кишлаке в районе Душанбе (древнего Ходжента), Б. Г. Гафуров рано вступил в трудовую жизнь. Он прошел трудный, но славный путь от мальчика-батрака до руководящего государственного и научного деятеля своей республики и страны. Октябрьская революция широко открыла перед ним двери в мир знаний, в науку. С юных лет Б. Г. Гафуров активно участвовал в политической жизни республики. Начав свою деятельность как вожак таджикских комсомольцев, он принимал непосредственное участие в утверждении Советской власти в Таджикистане.

Долгое время, в том числе в трудные военные годы, Б. Г. Гафуров находился на руководящей государственной работе в Таджикистане, проявив себя неутомимым тружеником, активным борцом за счастье своего народа, за расцвет его культуры и науки.

С 1946 по 1956 гг. Б. Г. Гафуров занимал пост Первого секретаря Центрального Комитета Коммунистической партии Таджикистана. И сейчас как депутат Верховного Совета СССР, заместитель председателя Советского Комитета солидарности со странами Азии и Африки и член ряда международных организаций, Б. Г. Гафуров ведет большую государственную и общественную работу. Как член Индийского комитета по международным культурным связям Б. Г. Гафуров внес значительный вклад в развитие дружеских связей советских и индийских ученых. Советское правительство высоко оценило научные и общественные заслуги Б. Г. Гафурова, наградив шестью орденами Ленина и в связи с 60-летием орденом Трудового Красного Знамени.

Выдающийся ученый, научный организатор и общественный деятель, страстный интернационалист, борец за независимость угнетенных народов Востока, за дружбу и мир между народами, акад. Б. Г. Гафуров находится в расцвете творческих сил и продолжает свою плодотворную научную работу и организаторскую деятельность. Руководимый им Институт востоковедения АН СССР постоянно успешно выполняет обширный план научных работ, ежегодно внося новый научный вклад в советское востоковедение и всемерно способствуя укреплению дружбы и взаимопонимания между народами Советского Союза и стран Азии.

Ю. Е. Лебедева,
научный сотрудник Института востоковедения
АН СССР

IV СЕССИЯ ПО ДРЕВНЕМУ ВОСТОКУ

В работе сессии, которая проходила 5—9 февраля 1968 г. в Ленинграде и была посвящена памяти академика Василия Васильевича Струве, приняло участие более 200 ученых из всех центров изучения древнего Востока в Советском Союзе, а также группа ученых ГДР. Участники сессии выслушали и обсудили более 100 докладов.

На пленарном вступительном заседании выступил с краткой речью заведующий Ленинградским отделением Института востоковедения АН СССР Ю. А. Петросян, который отметил большие успехи советских исследователей древнего Востока и от имени всех собравшихся приветствовал участие в работе сессии коллег из ГДР. Выступивший по вопросам организации работы сессии член ее Оргкомитета М. А. Дандамаев сообщил, что в порядке опыта на данной сессии наряду со страноведческими будут работать также и тематические секции. Затем на пленарном заседании были прочитаны два доклада.

М. А. Коростовцев (Ленинград) «Творчество В. В. Струве и пятидесятилетие советской науки о древнем Востоке». Докладчик показал, что Василий Васильевич Струве был одним из тех немногих в мировой науке ученых, кто владел почти всеми языками древних культурных народов, и притом был в равной степени историком, филологом, эпиграфистом и т. д., т. е. специалистом во всех областях исследования древности; эта глубокая и широкая эрудиция позволила В. В. Струве не только стать основателем и главой советской школы изучения древнего Востока, о расцвете которой свидетельствуют многочисленность участников наших конференций и разнообразие тем их исследований, но и создать новую по существу отрасль изучения Востока — социально-экономическую историю его древних обществ, опирающуюся на последовательное применение методологии марксизма-ленинизма. В этом состоит бессмертная заслуга В. В. Струве перед всей прогрессивной наукой. Разработанная им концепция истории древнего Востока явилась плодотворной основой развития марксистских исследований экономической, социальной и культурной истории всех стран древнего Востока, в том числе и таких, которые ранее в нашей стране не изучались. Остановившись конкретно на истории развития советской школы изучения древнего Востока, докладчик пришел

к выводу, что в настоящее время советская древняя ориенталистика на основе исторического материализма смогла уже дать более или менее полную картину жизни обществ древнего Востока.

Н. В. Пигулевская (Ленинград) «Ранняя сирийская практическая философия». Анализируя сказание о мудром Ахикаре и послание Мары бар Серапиона своему сыну, Н. В. Пигулевская показала, что в отличие от античного философского наследства, передававшегося через обучение в философских школах, сирийская практическая философия была достоинством непосредственно передававшихся традиций; она предшествовала в Сирии освоению философских систем античности.

СЕКЦИЯ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ИСТОРИИ

Заседания секции социально-экономической истории проходили вечером 5 и утром 6 февраля под председательством М. А. Дандамаева. Во вступительной речи И. М. Дьяконов отметил, что продолжающаяся уже много лет дискуссия о социальной структуре древневосточных обществ обнаружила недостаточность наших сведений по ряду проблем, например, если сравнительно хорошо изучено царское хозяйство, то частное — далеко еще недостаточно, многое еще не ясно и в проблемах возникновения классовых обществ и государства. Этим двум проблемам и посвящены доклады секции.

В. М. Массон (Ленинград) «К вопросу о городской революции». Тезис о «городской революции» был выдвинут Г. Чайлдом, который включал в число признаков урбанизации наличие классовой структуры общества. Докладчик считает более правильным понимать под «городской революцией» процесс формирования экономических и культурных основ раннеклассового общества. Этот процесс происходил в среде высокоразвитых оседлоземледельческих культур на последних этапах первобытнообщинного строя. Проявлениями этого процесса являются интенсивное развитие ремесел (появление особых ремесленных кварталов), перерастание обмена в регулярную торговлю, появление значительного объема прибавочного продукта, реализуемого, в частности, в монументальном строительстве. Все это ведет к сложению крупных укрепленных населенных пунктов — центров сельскохозяйственных округ и одновременно мест сосредоточения ремесленной деятельности и торговли. Это — новый тип поселений, и их следует считать городами. Докладчик привел ряд данных, добытых последними раскопками в Южном Туркменистане, где такие центры складываются уже в середине III тыс. до н. э., и считает, что подобные данные имеются также для Месопотамии, Элама, Индии, Китая и крито-микенской Греции.

Вопросы и выступления¹ были сосредоточены вокруг центральной проблемы: что такое город. Все выступавшие отмечали важное значение проблемы, серьезность аргументации докладчика, но вместе с тем указывали на чрезмерно «археологический» подход, вступающий в некоторое противоречие с данными других исторических наук. Так, тип раннеклассовых поселений в Египте не вполне подходит под ту характеристику поселений эпохи после «городской революции», которую дал докладчик.

М. Л. Гельцер (Вильнюс) «Демография и структура общества Угарита». Докладчик продемонстрировал таблицу, изображавшую социальную структуру Угарита. На основании различных документов он исчисляет население Угарита в 49 000—61 000 человек, а площадь государства в 3—4 тыс. кв. км. В Угарите было три категории земель: общинные, царские повинностные и земли царского хозяйства. Население Угарита, согласно тексту PRU, IV, 17.238, состояло из трех категорий лиц: «слуг царя», «сыновей Угарита» и «слуг царских слуг». Под первыми подразумеваются царские люди (bnš mlk), под вторыми — общинники, а третьи являлись, вероятно всего, подчиненными более привилегированных групп царских людей. В действительности картина общества, как показывает докладчик, была сложнее: внутри общины существовало значительное имущественное расслоение, царские люди также делились на различные ранги. Иноземцы не имели права владеть землей в Угарите.

Выступавшие в прениях отметили, что представленная докладчиком цельная картина угаритского общества весьма интересна, но нуждается в некоторых уточнениях. В частности, автором не отмечено, что тот же текст PRU, IV, 17.238 упоминает еще и *гапиру*, а также собственно рабов (купленных). Неясен удельный вес этих категорий в общей демографической картине Угарита.

Н. М. Постовская (Москва) «К вопросу о понятии „дом“»².

Доклад вызвал оживленный обмен мнениями, в ходе которого указывалось на большое своеобразие древнеегипетского «дома», как он обрисован докладчиком, по сравнению с «домами» в других обществах. В связи с этим применяемые докладчиком терми-

¹ В настоящем обзоре, составленном по материалам ученого секретариата сессии, отражены только те выступления в прениях, содержание которых удалось зафиксировать.

² Доклад будет в дальнейшем опубликован.

ны римского права являются, по-видимому, для данного случая неподходящими. Изложенная в докладе структура древнеегипетского «дома» чрезвычайно интересна, но пока еще во многих отношениях не вполне ясна.

Н. Б. Янковская (Ленинград) «Община и царь в Аррапхе XV в. до н. э.». Взаимоотношения между центральной властью и общинами в Аррапхе, освещаемые целым рядом документов, рисуют картину чрезвычайно архаичного общества. Прерогативы царя касаются здесь, главным образом, военных вопросов. Общинное самоуправление здесь еще весьма сильно. Выборные градоначальники и главы домашних общин осуществляют власть на местах (включая и судебную власть) и находятся под контролем народного собрания. Они могут даже выбирать себе военачальника, и царь считается с этим их правом. Само общество Аррапхи было конституировано как формально добровольный союз самоуправляющихся общин.

Выступавшие в прениях отмечали, что Н. Б. Янковская давно и весьма успешно исследует материалы из Аррапхи. Эта ее работа имеет очень важное значение, ибо Аррапха представляет собой своеобразный «заповедник»: она находилась на том этапе развития, который другие общества прошли в дописьменный период; в Аррапхе же сохранилась обильная и разнообразная документация, поэтому полученные Н. Б. Янковской данные могут оказать существенную помощь при исследовании ранних этапов развития других древневосточных обществ.

А. Г. Лундин (Ленинград) «Эволюция государственного строя Саба?». Сабейское государство сложилось как племенной союз шести племен. Этот последний явился результатом объединения двух более древних племенных союзов, состоявших из трех племен каждый. Первый из этих союзов именовался Саба¹ и занимал господствующее положение (его племена были эпонимными и имели по два представителя в совете старейшин государства). Второй союз (Файшан) занимал подчиненное положение (его племена имели в совете старейшин по одному представителю). Докладчик относит возникновение союза племен Саба² к середине II тыс. до н. э., а союза Файшан — ко времени не позднее XII в. до н. э. Слияние этих союзов он датирует XI веком до н. э., а окончательное оформление государства — IX—VIII веками до н. э. Сабейское государство сохранило внешние формы и структуру племенного союза на протяжении почти тысячи лет.

Выступавшие в прениях отмечали, что докладчику удалось из скудных и однообразных документов извлечь весьма ценные и в целом убедительные данные о сабейском государстве. Хотя остается ряд неясностей (например происхождение племенных богов с их несемитскими именами), А. Г. Лундин, по-видимому, прав, определяя основу государственной организации Саба³ как синойкизм.

И. Ш. Шифман (Ленинград) «Возникновение государственного аппарата в иудейско-израильском обществе в конце II — начале I тыс. до н. э.». Докладчик выступает против широко распространенной точки зрения, связывающей возникновение государства с возникновением царской власти. Это последнее он считает лишь начальной стадией длительного процесса становления государственности, в ходе которого существенно меняются характер и функции царской власти. Первоначальная царская власть представляется одной из выборных магистратур (военная магистратура). Традиция выборности царя сохраняется в Палестине вплоть до смерти Давида. Становление государственного аппарата означало ликвидацию родоплеменных организаций и переход к территориальному принципу управления. Государственный аппарат в иудейско-израильском обществе был вызван к жизни классовым расслоением общества и связанной с этим потребностью обеспечить эксплуатацию рабов и свободных мелких производителей служилой знатью и царем. Однако в начальный период еще сохраняется родоплеменное устройство со своими органами управления. Именно по племенному признаку и раскололось Иудейско-израильское царство вскоре после смерти Соломона.

Выступавшие в прениях подчеркивали важность поднятой проблемы. Вместе с тем они отмечали трудности исследования из-за недостаточности и неполной достоверности материалов. Высказывались мнения, что следует обратить больше внимания на исследования, проводившиеся на этой территории города-государства, а также на роль храмов.

М. А. Дандамаев (Ленинград) «К вопросу о положении рабов в VI в. до н. э. в Вавилонии»³.

Доклад вызвал оживленную дискуссию, в которой центральное место занял вопрос о том, кто был собственником имущества раба: сам раб или его господин. От решения этого вопроса зависит вопрос о размере «оброка», уплачиваемого таким рабом господину, вопрос о цене раба и о возможности выкупиться на волю. Однако из-за отсутствия прямых документальных данных все эти вопросы остаются пока открытыми.

И. Ф. Физман (Ленинград) «Земельные отношения в Оксиринхе IV—VI в. в. н. э.». Доклад, основанный на папирологическом материале, дает картину развития земельных отношений в типичном египетском земледельческом районе времени ранневизантийской империи. Характерной чертой этого развития является исчезновение различ-

³ Текст доклада будет в дальнейшем опубликован.

ных категорий общественной земли, вытесняемых частной собственностью. Особенно сильно растет земельная собственность представителей военной и гражданской администрации, а также церковная, в то время как землевладение курпальной аристократии сокращается, а упоминания о городской земельной собственности исчезают вовсе. В роли непосредственных производителей выступают, как правило, наследственные или прикрепленные на длительный срок и зависимые от крупного землевладельца держатели земли.

В прениях отмечалось важное значение доклада, показавшего, что уже в самом начале существования Византии возникают те черты земельных отношений, которые затем ярко проявляются в средние века.

СЕКЦИЯ ЛИНГВИСТИКИ И ИСТОРИИ ПИСЬМЕННОСТИ

Заседания секции лингвистики и истории письменности состоялись 5 февраля вечером и 6 утром под председательством руководителя секции М. А. Коростовцева, а вечером 8 февраля под председательством И. М. Дьяконова.

М. А. Коростовцев (Москва) «Простые предложения в новоегипетском языке». В докладе рассматриваются модели типов простого предложения в египетском языке — глагольных (в том числе с агентом действия в эргативной конструкции) и неглагольных. Устанавливается принципиальная аналогия в строении глагольных предложений с финитными глагольными формами и предложений с адъективным и адвербиальным предикатом. Как особая структура, выделяются только именные предложения тождества, лишённые вспомогательного глагола, которые представляют собой сочетание двух имен.

Н. С. Петровский (Ленинград) «Предельные и непредельные глаголы в египетском языке». Для классификации египетских глаголов существует несколько возможностей, в том числе деление глаголов по их семантике. С точки зрения семантики египетские глаголы можно разделить на итеративные, предельные и непредельные. Выделение итеративных глаголов облегчается формальным признаком — тождественностью двух последних согласных. Категория предельности-непредельности находит свое отражение в различном использовании глаголов в глагольной форме качества и состояния. Транзитивные глаголы, получившие в этой форме активное значение, относятся к не-предельным, а получившие пассивное — к предельным.

Л. А. Липин (Ленинград) «О несочетаемости некоторых фонетических последовательностей в аккадском языке». Доклад посвящен анализу комбинаторных изменений некоторых несочетаемых согласных на морфемных границах в аккадском языке.

Выступивший по докладу М. А. Коростовцев отметил, что доклад очень интересен, и обратил внимание на аналогичные явления в новоегипетском языке.

А. М. Газов-Гинзберг (Ленинград) «Символика краткости-долготы в основах семитских спрягаемых форм». Докладчик рассмотрел основы правильного глагола действия типа-у- (где у- i/u — императив и так называемый «имперфект») и -а -а - (а) (так называемый «перфект») как передающие, соответственно, немедленность исполнения, непосредственное следование и отсутствие таковой. Использован в основном материал древнееврейского языка (представитель западной группы семитских языков); сходные явления отмечены и в аккадском.

А. А. Королев (Москва) и В. В. Шеворошкин (Москва) «К проблеме интерпретации лувийских надписей». Первая часть доклада была посвящена обзору памятников лувийского языка (диалектов А и В). Во второй части докладчики на основе лексического и морфологического анализа текста, базируясь на фонетических соответствиях лувийского и других хетто-лувийских языков, дали интерпретацию нескольких строк надписи на стеле из Ксанфа.

Выступавшие в прениях, отмечая большое значение доклада, сделали ряд критических замечаний. Так, И. М. Дьяконов и М. А. Коростовцев обратили внимание на недостаточно четкую методику подачи переводов, в частности, в тех случаях, когда ясна только грамматическая структура, а в семантическом отношении, несмотря на наличие хетто-лувийских этимологий, следует предполагать большие сдвиги в значении слов по сравнению с хеттской и лувийской лексикой. А. И. Зайцев выразил сомнение относительно возможности найти параллели данному тексту в древнегреческой традиции, что допускал И. М. Дьяконов, отметивший отсутствие параллелей получающемуся у авторов тексту стелы в древневосточной эпиграфике.

В. В. Шеворошкин (Москва) «О некоторых принципах исследования малоазийской ономастики». Стремясь проникнуть в исходную внутреннюю форму поздних хетто-лувийских имен и топонимов, дошедших до нас в виде греческих передач, В. В. Шеворошкин предлагает следующие методы работы: 1) установление взаимосвязи между именами и хетто-лувийским апеллятивом; 2) структурный анализ имен с целью выявления «ономастической микросистемы»; 3) типологический анализ (сравнение с одноклассными именами других языков). Вторая часть доклада иллюстрировала предложенные методы работы.

А. И. Харсекин (Кременец) «Свидетельство Геродота о лидийском происхождении этрусков в свете лингвистических фактов». Докладчик предлагает новое толкование известия Геродота, а именно, как сообщение о переселении в Италию отдельных небольших групп жителей Малой Азии. По мнению докладчика, этрусская народность сформировалась в результате слияния трех этнических начал — эгейско-средиземноморского, анатолийского и итальянского.

А. А. Вайман (Ленинград) «Два очерка из истории развития письма». В первом сообщении докладчик рассмотрел некоторые вопросы теории и истории письменности, начиная с первого возникновения письма до развития смешанной словесно-слоговой системы, а во втором изложил в очень краткой форме результаты очередных работ по расшифровке протошумерской письменности — предшественника клинописи. Протошумерские записи, объяснявшиеся раньше как обозначения имен собственных, А. А. Вайман предлагает понимать как названия профессий и должностей, подтверждая свой вывод материалами древнейших силлабариев. Что касается имен собственных, то, по мнению докладчика, таковых в протошумерских текстах пока не обнаруживается.

М. А. Пробст (Москва) «Использование вычислительной техники в дешифровке». На примере изучения протоиндских писем докладчик рассматривал ряд принципиальных вопросов методики выявления морфологических показателей и формальной грамматики неизвестного языка.

Ю. В. Кнорозов (Ленинград) «Формальное исследование протоиндских текстов». Доклад был посвящен предварительным результатам исследования протоиндских текстов. Докладчику удалось установить направление письма (справа — налево), выделить блоки и их состав, определить некоторые особенности структуры языка, которые позволили поставить вопрос о близости языка протоиндской письменности дравидским языкам. Докладчик подчеркнул необходимость учитывать, что структурное родство еще не есть доказательство материального родства этих языков.

Б. Я. Волчок (Ленинград) «Культурно-исторические параллели к протоиндским текстам и изображениям». Сопоставляя изображения божеств, животных жертвоприношений и т. п., имеющиеся на некоторых протоиндских предметах, с аналогичными изображениями в протоиндских надписях, Б. Я. Волчок сделала попытку выявить их связи с гораздо более поздней индийской традицией.

Приняв участие в обсуждении доклада выразили сомнение относительно правомерности некоторых проводимых автором сопоставлений (например, изображения человеческой фигуры с палицей (?) в протоиндских надписях с изображением бога Ямы XVII в. н. э.).

Н. В. Гуров (Ленинград) «Возможности лингвистической интерпретации протоиндских текстов». Докладчик указал на некоторые типологические и, возможно, материальные соответствия между языком протоиндских надписей и дравидскими языками. Результаты таких сопоставлений позволяют высказать некоторые дополнительные предположения о содержании смежных блоков и целых надписей.

В прениях по всем прочитанным докладам выступили И. М. Дьяконов, А. А. Вайман, Г. М. Бонгард-Левин, А. Г. Кифинин. И. М. Дьяконов подчеркнул чрезвычайное значение и трудность работ по дешифровке древних письменностей, отметил успехи, достигнутые докладчиками, и обратил особое внимание на необходимость устранения некоторых слабостей в области методики исследования характера письма протоиндских надписей. А. А. Вайман указал на сомнительность сопоставления некоторых протоиндских писем с протошумерскими и в то же время на одинаковую структуру расположения знаков в протоиндской и в протоэламской письменностях (возможно, это случайное совпадение, но оно заслуживает не меньшего внимания, чем другие сопоставления с материалами вне протоиндской культуры). Далее А. А. Вайман сделал ряд критических замечаний, в том числе отметил неубедительность доводов, приведенных докладчиками с целью доказать, что язык протоиндской письменности был дравидским, поскольку выявленные пока черты общности носят мало конкретный характер и при этом не ясно, в какой мере само исследуемое письмо действительно воспроизводило структурные особенности морфологии и синтаксиса языка — в древнейших видах пиктографии это далеко не обязательно. Авторы в большинстве случаев оперируют теми группами знаков, где есть цифры, и это оправдано; но данные, полученные с помощью вычислительных машин, используются мало и по существу их использование не привнесло в данном случае ничего нового в методику самого исследования, а дало только некоторое ускорение явно необходимых подсчетов. Г. М. Бонгард-Левин отметил историческую вероятность принадлежности протоиндской культуры Мохенджодаро носителям протодравидского языка (до его разделения на отдельные языки), а также важность работы, которую ведет коллектив под руководством Ю. В. Кнорозова. Отвечая на вопросы и замечания, Ю. В. Кнорозов отметил, что еще нет полной ясности относительно типа письма, к которому принадлежит протоиндская письменность, и что применение вычислительной техники пока не дало существенных результатов. Н. В. Гуров, отвечая на ряд конкретных вопросов, выра-

зил уверенность в возможности более точного определения языка надписей, даже не-взирая на временной барьер между протоиндскими памятниками (III — начало II тыс. до н. э.) и первыми читаемыми памятниками на дравидских языках. В заключительном слове И. М. Дьяконов подчеркнул необходимость дальнейшей разработки методических вопросов дешифровки древнейших письменностей.

СЕКЦИЯ ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЯ

Заседание секции литературоведения состоялось 6 февраля вечером под председательством руководителя секции И. С. Брагинского.

И. Г. Левин «Изучение устного состояния произведений словесности древнего Востока». Устное состояние произведения словесности может предшествовать, сопутствовать и последовать письменному. Изучение произведения возможно на трех уровнях: жанра, фабулы (сюжета), мотивов. В целях совершенствования работ по изучению произведений словесности докладчик предложил модель исследования: анализу любого рассказа должен опираться на все доступные записи, которые следует сравнивать друг с другом по всем основным элементам и в деталях (мотивах), учитывая место и время каждого свидетельства. Наряду с изучением явлений словесности на уровне жанра, фабулы и мотивов в их размещении в пространстве и во времени нужно изучать памятники в их социальном расслоении, в их функциях в жизни общества, и те психологические факторы, которые породили и сопровождали явления словесности. Все эти проблемы могут быть решены лишь комплексно, как аспекты целого.

В прениях И. М. Дьяконов отметил большое значение доклада, подчеркнул необходимость внимания к жанрам, возникшим впервые только в письменной литературе и не согласился с употреблением в докладе термина «произведение» как синонима слова «фабула»; известно, что фабула может быть одна и та же, но находиться в разных произведениях. Э. М. Яншина подчеркнула особое значение доклада для изучающих китайскую литературу, в которой древняя устная словесность сохранилась лишь в письменной форме.

В. К. Афанасьева (Ленинград) «К вопросу о происхождении письменной литературы в Шумере». Клинописные памятники дают возможность проследить процессы становления письменной литературы как самостоятельного вида искусства. В докладе были подвергнуты анализу два жанра клинописной литературы: 1) царские надписи — жанр, в значительной мере обязанный своим возникновением существованию письменности; 2) гимны и молитвы — тексты, которые, в отличие от надписей, явно существовали ранее в устной форме и начали записываться сравнительно поздно. В докладе была также показана эволюция этих жанров на протяжении шумеро-аккадского периода.

В прениях И. М. Дьяконов указал на ценность доклада как первой попытки подойти с чисто литературоведческих позиций к клинописным литературным памятникам. И. Г. Левин отметил, что доклад прекрасно иллюстрирует высказанные им теоретические положения относительно методов изучения явлений словесности.

И. С. Брагинский «Принципы поэтического перевода Гат». Докладчик, собрав и детально изучив все имеющиеся переводы этого чрезвычайно сложного и трудного для понимания памятника, изложил свои принципы перевода этого текста.

Выступившие по докладу В. А. Лившиц, Н. Е. Семпер, С. Н. Соколов, И. Г. Левин отметили исключительные трудности, связанные с переводом этих сложнейших текстов древней индоевропейской поэзии, быть может, несколько недооцениваемые докладчиком.

СЕКЦИЯ АССИРИОЛОГИИ

Заседания секции ассириологии состоялись 7 февраля утром и 8 вечером под председательством руководителя секции И. М. Дьяконова. Первое заседание было посвящено памяти выдающегося советского ассириолога и шумеролога А. П. Рифтина. Приступившая на заседании вдова ученого С. К. Гуммерт передала оставшиеся после него картотеки и рукописи Группе древневосточной филологии Ленинградского отделения Института востоковедения.

И. М. Дьяконов (Ленинград) «Город Ур при РймСине I и Хаммурапи». Первая часть доклада была посвящена задачам и значению исследования истории культуры, как совокупности факторов, действующих на общественное сознание людей и вызывающих исторически значимые социальные действия. Отсюда важность исследования механизма (в том числе социально-психологического), посредством которого происходит воздействие общественного бытия на общественное сознание. Вторая часть доклада иллюстрировала эти положения на материале раскопанного в Уре квартала времени последних царей династии Ларсы, памятники которого (дома, школы, лавки, мастерские), особенно личные архивы отдельных семей, учебные, литературные, научные и религиозные тексты дают возможность обрисовать общий характер бытовой и традиционной культуры Ура при РймСине I и Хаммурапи.

Теоретические вопросы, поставленные в докладе, вызвали оживленное обсуждение. В нем приняли участие *Н. М. Постовская, И. Г. Левин, М. Л. Гельцер, В. А. Якобсон, А. Г. Лундин, А. Г. Кифишин, М. Н. Зислин, Б. И. Маршак, А. И. Зайцев, В. А. Якобсон (Ленинград)* «О характере законов Хаммурапи как юридического источника». Показав, что определение характера этого памятника продолжает оставаться спорным, докладчик предложил считать «Законы Хаммурапи» собранием узаконений, касающихся: а) главным образом царских людей (не только в городе Вавилоне, но на всей территории царства); б) общинников, принадлежащих к традиционной общине Вавилона.

При обсуждении доклада *А. А. Вайман* отметил, что докладчик, возможно, не исчерпал все сведения источников, относящихся к данной проблеме. *М. Л. Гельцер* не согласился с мнением докладчика, что «Законы Хаммурапи» были составлены в конце правления Хаммурапи. *И. М. Дьяконов*, как и докладчик, не считает «Законы Хаммурапи» записью прецедентов; он сослался на интересное мнение Дж. Дж. Финкельстайна, согласно которому этот памятник — свод неких идеальных юридических казусов и их «идеально справедливых» решений для руководства судьям, — по мнению выступавшего, — царским.

И. Т. Канева (Ленинград) «Причастия в шумерском языке». Докладчик на материале текстов, взятых из трех разных периодов развития шумерского языка, показала несостоятельность определения двух форм причастий в шумерском языке (R и R-a) как активного и пассивного причастий и предложила новую концепцию, по которой R-a — форма переходного причастия совершенного вида и непереходного причастия, а R — форма переходных причастий несовершенного вида.

По докладу выступили *И. М. Дьяконов* и *В. К. Афанасьев*, поддержавшие выводы *И. Т. Каневой*.

Р. С. Рцхиладзе (Тбилиси) «К вопросу о достоверности сообщений Геродота о Вавилонии». Показав, что открытия последних десятилетий доказали достоверность многих известий Геродота о Вавилонии, докладчик отметил, однако, что в ряде случаев попытки согласовать известия Геродота с археологическими данными часто являются искусственными и необоснованными.

Выступивший по докладу *И. М. Дьяконов* отметил необходимость подобных исследований о характере информации Геродота.

В. А. Белявский (Ленинград) «Семья Набая (к истории средних слоев нововавилонского общества)». История семьи Набая показывает неустойчивость положения средних слоев в Новом Вавилоне, процесс их имущественной дифференциации и разорения, а биографии женщин этой семьи — сравнительно высокое общественное положение вавилонской женщины вообще.

Выступившие в прениях *И. М. Дьяконов* и *В. А. Якобсон* отметили, что доклад вызывает интерес, но и некоторые сомнения, в частности, они возразили против предлагаемого докладчиком термина «средние слои».

И. С. Ключков (Ленинград) «О поэме „Ниппурский бедняк“». Докладчик показал, что ряд особенностей поэмы (единственной известной пока вавилонской сказки) позволяет уверенно определить ее как запись сказки, долгое время бытовавшей изустно; ее следует относить по системе Аарне — Андреева к типу 1533; сопоставляя вавилонский вариант сказки с арабским, испанским, русским и другими, докладчик сделал попытку проследить пути хождения этого сюжета. Докладчик дал также транслитерацию и перевод сказки.

Выступившие по докладу *М. Л. Гельцер, В. К. Афанасьев, И. М. Дьяконов, В. А. Якобсон* отметили высокие качества перевода и правильность подхода докладчика к проблеме. В то же время *В. К. Афанасьев* и *И. М. Дьяконов* указали на излишнюю категоричность некоторых выводов докладчика, в частности относительно путей распространения сказочных сюжетов.

А. Г. Кифишин (Москва) «Шумерская поэма „Инанна и дары-судьбы бога Энки“». В докладе был дан анализ поэмы, которую докладчик назвал «Инанна и дары-судьбы бога Энки».

И. М. Дьяконов, выступивший по докладу, указал на неудачное построение доклада и выразил сожаление по поводу того, что докладчик не представил транслитерацию текста, так как судить о переводе без нее невозможно.

СЕКЦИЯ МАЛОЙ АЗИИ И УРАТУ

Заседания секции проходили вечером 6 и 7 февраля под председательством *Г. А. Меликишвили* и *Б. Б. Пиотровского*.

Б. Б. Пиотровский (Ленинград) «О группе деревянных статуэток богов из Кармир-блур». Докладчик полагает, что найденная в 1962 г. бронзовая массивная подставка в форме барабана с круглым углублением в верхней части могла служить основанием для деревянных статуэток, подобных обнаруженным в 1964 г. там же (всего

пять статуэток) и изображающих бородатых мужчин и женщину. Можно предположить и то, что найденные фигурки богов были изготовлены в честь основания города Эребуни (около 782 г. до н. э.) и в VII в. до н. э. попали в новый урартский центр — Тейшебани.

Э. А. Грантовский (Москва) «О следах иранской речи и культуры в Мусасире, ассирио-урартской пограничной полосе и восточных областях Урарту»⁴.

Доклад вызвал оживленное обсуждение. И. М. Дьяконов говорил о большой заслуге Э. А. Грантовского в деле выявления ранних иранизмов в районах современного Иранского Азербайджана и Иранского Курдистана. Однако он не согласился с докладчиком по вопросу о локализации страны Парсуа и по вопросу о путях переселения иранских племен и особенно резко — по вопросу об иранской этимологии имени мусасирской богини Багмашту. Ю. Б. Юсифов, Б. Б. Пиотровский и И. Г. Алиев положительно оценили доклад Э. А. Грантовского, не соглашаясь с ним лишь по отдельным спорным вопросам ранней истории иранских племен.

М. Ш. Хидашели (Тбилиси) «О некоторых религиозно-культурных параллелях между Кавказом и Луристаном». Автор доклада обосновала связь геральдических композиций ряда памятников культуры Луристана и Кавказа, на которых изображены двуглавые животные с расположенными на них антропоморфными фигурами, с культом богини плодородия и владычицы зверей, зооморфными образами которой являлись олень, тур, а также собака.

В развернувшихся по докладу прениях Б. Б. Пиотровский, И. Г. Алиев и С. А. Есаян отметили, что приводимые докладчиком религиозно-культурные параллели являются убедительными.

Г. А. Меликишвили (Тбилиси) «О некоторых наименованиях металлов в древневосточных и кавказских языках»⁵.

Доклад был высоко оценен в выступлениях И. М. Дьяконова, К. Г. Перетели и В. В. Шеворошкина. Признав сопоставления rūlād/Puluadi и ušhu/wesh-li бесспорно убедительными и приведя дополнительные доводы в их пользу, И. М. Дьяконов высказал, однако, сомнения в отношении сопоставления kunna-/kuṣanna- и rḱina.⁶

Г. Г. Гиоргадзе (Тбилиси) «К интерпретации § 28 Указа Телипину»⁶. Выступившие в прениях И. М. Дьяконов, Н. М. Постовская, М. Л. Гельцер и Ю. Б. Юсифов отметили убедительность аргументации докладчика.

Н. В. Хазарадзе (Тбилиси) «Мушки древневосточных источников и античные Moschoi». Опираясь на тщательный анализ и сопоставление данных древневосточных (асирийских, хеттскопероглифических и урартских) источников и античных авторов (Гекатей Милетский, Геродот, Страбон и др.), автор доклада серьезно аргументировала мнение о тождестве Muški с Moschoi, высказывавшееся до сих пор лишь на основании фонетического сходства.

Доклад получил высокую оценку в выступлениях И. М. Дьяконова и Ю. Б. Юсифова. Касаясь отдельных вопросов этнического состава населения Малой Азии начала I тыс. до н. э., И. М. Дьяконов подчеркнул все же, что смотрит несколько иначе на термин Muški; по его мнению, он употреблялся для обозначения племен, живших не только в Центральной Анатолии, — в первую очередь, фригийцев и лишь вторично груки в Ассирии, — также и для племен, живших к востоку от Тавра — в долине Арашурнацирана, так же и для племен, живших к востоку от Фригии, так и от мосхов. И. М. Дьяконов подчеркнул, что следует отличать как от фригийцев, так и от мосхов.

М. Л. Воскресенский и В. П. Назаров (Москва) «Проблема этеокрытских надписей»⁷.

По мнению выступившего в прениях И. Ш. Шифмана, несмотря на то, что чтение этеокрытских надписей, предложенное докладчиком, является в известной мере более удачным, чем у других исследователей, занимавшихся этим вопросом, в докладе все же имеются многие спорные и неясные места. Присоединяясь к предыдущему оратору в оценке доклада, И. М. Дьяконов указал докладчикам на некоторые недостатки методического характера.

И. М. Дунаевская (Ленинград) «О современном уровне филологической исследования хеттских иероглифических текстов». В докладе было показано, что при использовании лингвистами и историками данных хеттских иероглифических памятников можно уверенно опираться только на такие их копии (автографы), которые адекватно передают очертание и расположение знаков подлинника, т. е. представляют собой прорисовки, выполненные по фотографиям (этому требованию должны соответствовать не только хеттскопероглифических надписей, но и алфавитных эпиграфических памятников). Общепринятой системы транслитерации хеттских иероглифических

⁴ Доклад остался незафиксированным.

⁵ Доклад опубликован в ВДИ, 1968, № 4.

⁶ Доклад будет в дальнейшем опубликован.

⁷ См. М. Л. Воскресенский, В. П. Назаров, Опыт интерпретации этеокрытских надписей (Предварительное сообщение), ВДИ, 1968, № 2.

знаков пока нет. Поэтому в передаче материалов языка хеттских пероглифов разными исследователями имеются довольно существенные внешние расхождения. Чтобы эти расхождения в транслитерации не могли быть приняты за языковые различия, материалы, почерпнутые у разных авторов, следует приводить к какой-либо одной системе транслитерации. Осуществление такой унификации облегчается изданными списками соответствий между наиболее распространенными перечнями хеттских пероглифов.

В прениях *Б. Б. Пиотровский* и *А. А. Королев* говорили о важности выработки специалистами единой транслитерации для хеттских пероглифических текстов.

[СЕКЦИЯ СЕМИТОЛОГИИ]

Заседания секции состоялись 6 и 8 февраля 1968 г. под председательством *К. Г. Церетели*.

Л. Е. Вильскер (Ленинград) «Об одном неизвестном самаритянском изображении в Государственной библиотеке СССР им. В. И. Ленина». Продемонстрировав указанное изображение с имеющимися на нем арамейскими надписями, докладчик предложил датировать его 652/3 г. н. э.

В прениях по докладу *К. Б. Старкова* высказала мнение, что ряд изображений позволяет датировать памятник XVI—XVII вв. (ранняя датировка возможна для прообраза); *И. Д. Амузин* и *К. Г. Церетели* отметили, что докладчик ввел в оборот новый интересный памятник, важный как для истории языка, так и для истории культуры.

Г. Г. Мелконян (Ереван) «Движение пустынных в северной Месопотамии и Армении (IV—V вв. н. э.)». Докладчик показал, что движениешло из Египта через Палестину и Месопотамию в Армению, а руководителями его в Армении были сирийцы.

Выступившие в прениях *И. Д. Амузин* и *К. Г. Церетели* отметили важность доклада, проливающего новый свет на недостаточно изученные социальные движения.

К. Г. Церетели (Тбилиси) «Семитизмы в грузинских библейских текстах». Изучение грузинского перевода Библии дало возможность установить проникновение в грузинские тексты языковых явлений, характерных для семитских языков, в частности, для еврейского (параномазия, употребление именных предложений, характерное для еврейского языка употребление предлогов).

В прениях по докладу выступили *И. Д. Амузин* и *К. Б. Старкова*, отметившие важность доклада, необходимость при изучении переводов учитывать социальную терминологию, а также исследовать расхождения между грузинским и еврейским текстами.

И. Н. Винников (Ленинград) «Масоретские заметки». Докладчик показал значение библейских цитат в Талмуде (и в частности в Иерусалимском талмуде) для установления библейского текста.

В прениях по докладу выступила *К. Б. Старкова*, отметившая важность доклада и в то же время необходимость критического отношения к источнику, а также опасность зачеркивания того, что сделано в науке ранее. *Н. В. Пигулевская*, показав выдающийся интерес доклада, подчеркнула, что использование талмудической традиции не исключает использования других источников (кумранские рукописи, греческие, латинские переводы, сочинения сирийских отцов церкви); она отметила, что работа попадает в общее русло уже ведущихся исследований, а потому чрезвычайно актуальна. Своевременность доклада отметил и *К. Г. Церетели*.

И. П. Вейнберг (Даугавпилс) «Некоторые черты развития жречества в ахеменидской Иудее». Докладчик показал, что с середины V в. до н. э. количество жреческих коллективов растет, в связи с чем община делится на жрецов и нежрецов, а также отметил проникновение в жреческую среду новых коллективов.

В прениях *И. Д. Амузин* подчеркнул важность темы, которую у нас впервые разрабатывает *И. П. Вейнберг*, создающий базу для понимания культуры иудейского общества этого времени. Высоко оценил доклад и *К. Г. Церетели*.

К. Б. Старкова (Ленинград) «Влияние Второзакония на литературу кумранской общины». Считая, что идея «завета» с Яхве, развитая во Второзаконии, объясняет его популярность в библиотеке Кумрана и что эта идея отразилась в богословии, правовых нормах и обрядах кумранской общины, *К. Б. Старкова* показала глубокую связь кумранского учения со Второзаконием, которая отражена и в новой кумранской рукописи — псевдоэпиграфе юридического содержания.

Выступивший в прениях *Г. М. Лившиц* подчеркнул, что меньшая связь кумранитов со Жреческим кодексом объясняется тем, что они были противниками жречества. *И. Д. Амузин* говорил о том, что в новой рукописи имеются законы, отсутствующие в Библии и противоречащие Мишне. *Н. В. Пигулевская*, отметив тщательность работы *К. Б. Старковой*, подчеркнула, что последняя доложила часть большой работы, в которой пытается вскрыть психологию кумранской общины, и особо остановилась на вопросе о противопоставлении ее жречеству. *К. Г. Церетели* отметил убедительность доклада.

И. Д. Амусин (Ленинград) «Клятва ессеев». Доклад был посвящен истолкованию выражения $\alpha\phi\epsilon\chi\epsilon\sigma\theta\alpha\iota\ \delta\epsilon\ \lambda\eta\sigma\tau\epsilon\iota\alpha\varsigma$ (Fl. Jos., BJ, 8, 142); в последнем слове докладчик предлагает видеть буквальный перевод евр. hms «исказать, извращать (правильное учение)» (ср. Ez. 22, 26; Zeph. 3, 4, а также в вавилонской литературе). При таком предположении отпадает надобность в изменениях рукописной традиции данного места Флавия Иосифа, которое гласит: «кроме того, они (т. е. ессеи) клянутся никому не сообщать основы учения в пном виде, чем получили сами, воздерживаясь от (всякого его) искажения».

Выступив в прениях, К. Б. Старкова высказала мнение, что гипотеза верна, однако вопрос о значении hms требует дальнейшей разработки. И. С. Свенцицкая отметила желательность дополнительной аргументации из греческого материала.

Г. М. Лившиц (Минск) «Характерные черты дуалистических идей в иудейской апокалиптической литературе». Докладчик отметил сходство и различие идей апокалиптической литературы с дуализмом кумранской общины (противопоставление света и тьмы).

Вопросы докладчику задали И. Д. Амусин и И. Н. Винников. Отвечая, Г. М. Лившиц отметил, что с точки зрения последовательного монизма сатана и мессия не нужны — они посредники между богом и людьми; упоминания добра и зла, по его мнению, — форма выражения дуалистических идей.

Г. С. Александров (Ленинград) «О происхождении термина צַדִּיקִי (саддукей)». Докладчик хотел показать, что названное слово происходит от обозначения планеты Юпитер («Цедек») и применялось к деятелям проримской ориентации.

В своем выступлении И. Н. Винников указал на недостаточную филологическую обоснованность этого построения.

СЕКЦИЯ ЕГИПТОЛОГИИ

Заседания секции проходили 7 и 8 февраля 1968 г. под председательством Ю. Я. Перепелкина. Конференция была организована таким образом, что ряд докладов египтологов был прочитан на заседаниях других секций. Большинство египтологов высказало просьбу ставить в будущем доклады по древнеегипетской тематике на заседаниях секции египтологии, что позволит принять участие в их обсуждении большему числу специалистов.

В. В. Павлов (Москва) «Русская дореволюционная и советская наука о египетском искусстве»⁸. Доклад был прочитан М. А. Коростовцевым.

Во время обсуждения доклада Х. А. Кинк обратила внимание на его недостаточную конкретность; в частности, недооценены заслуги Б. А. Тураева в изучении додинастического искусства. М. А. Коростовцев подчеркнул, что ложность гипотезы о безымянности египетского искусства впервые доказала М. Э. Матье, а между тем в докладе вообще не упомянута статья М. Э. Матье, посвященная этой проблеме. Ю. Я. Перепелкин заметил, что он ничего не знает о существовании в Египте сельской общины, основанной на рабском труде.

В. Ф. Райнке (Берлин) «Some Remarks on the Epigraphical Field Work of the German Academy of Sciences in Sudanese Nubia» (доклад был прочитан на немецком языке). В. Ф. Райнке сообщил об исследованиях последних лет между вторым и третьим породами Нила, которые проводят экспедиция Германской Академии наук под руководством В. Хинце. Результаты эпиграфических обследований подготавливаются к печати в серии монографий (первая из них — «Die Inschriften des Löwentempels von Musawwarat es-Sufra» — уже опубликована). В последние годы скопированы и сфотографированы многие как иероглифические, так и иератические надписи самых разных периодов древнеегипетской истории. К изданию готовятся также греческие, латинские и мероитские тексты.

В обсуждении доклада приняли участие Т. Н. Савельева, И. С. Кацнельсон, М. А. Коростовцев, которые высказали пожелания о необходимости наладить постоянный обмен информацией между немецкими и советскими египтологами.

Т. Н. Савельева «Царские указы второй половины Древнего царства (XV—XX вв. до н. э.)». Доклад был посвящен исследованию понятия wd nj-šw.t «указ царя». Истолкование wd nj-šw.t как глагольного предложения (Г. Гедике) Т. Н. Савельева опровергает примерами вынесения nj-šw.t (в знак почтения) перед wd : такое перемещение невозможно в глагольной конструкции. Пониманию wd nj-šw.t как «указ царя» соответствует и документальная форма 30 известных царских указов.

Выступивший в прениях М. А. Коростовцев согласился с тем, что перевод Г. Гедике ошибочен: wd nj-šw.t или wd n nj-šw.t есть просто номинативное сочетание. Ю. Я. Перепелкин согласился с истолкованием сочетания wd nj-šw.t , предложенным Т. Н. Савельевой, но заметил, что при любом написании смысл сочетания не меняется.

⁸ Текст доклада опубликован в ВДИ, 1968, № 2, стр. 450—455.

В заключительном слове Т. Н. Савельева обратила внимание на то, что перевод Г. Гедике делает «царский приказ» изустным.

Ю. М. Кобищанов (Москва) «Вывоз невольников из стран Северо-Восточной Африки в древности и средние века». В докладе доказывалось, что если в древнем Египте число чернокожих невольников было незначительным, а ввоз их — спорадическим, то позднее количество вывозимых из Северо-Восточной Африки невольников резко возросло, достигнув наивысшей точки в новое время.

Доклад вызвал возражения у всех участников обсуждения. И. С. Кацнельсон и Т. Н. Савельева указали на неполноту использованного автором доступного ему материала. Методически неправильно сравнивать сведения разных эпох, так как использование невольников бывало разным по характеру. М. А. Коростовцев отметил, что египтяне в период Древнего царства вообще не упоминают черных невольников; что же касается жителей Пунта, то они были не неграми, а скорее предками бушменов или готтентотов; докладчик не учитывает отличия рабов в нетоварном мире от невольников в товарном мире. Ю. Я. Перепелкин указал, что египетский материал по затронутой теме неизмеримо богаче, чем предполагает Ю. М. Кобищанов; эфиопских рабов мало ввозили в древний Египет потому, что египтяне предпочитали сирийцев, удивляющий же автора рост торговли чернокожими невольниками в период средневековья объясняется распространением ислама, запрещавшего обращать в рабство единоверцев; необходимо поставить вопрос в рамки конкретно-исторического исследования. Ю. М. Кобищанов принял высказанные замечания и пояснил, что понятие «черная раса» он употреблял в широком смысле, включая всех жителей Африки южнее Сахары.

А. К. Абрамов (Москва) «Древний Египет и современность». Докладчик выявил закономерность, строящуюся на отношении сторон египетского прямоугольного треугольника 3 : 4 : 5 и отразившуюся в единстве принципов образования древнеегипетских и древнеанглийских мер длины.

Л. В. Червинская (Ленинград) «Некоторые проблемы древнеегипетского духовного производства». На основе почерпнутых из египтологической литературы сведений Л. В. Червинская пыталась проанализировать процесс отделения духовной деятельности от всей сферы материальной жизни общества. Рассмотрено становление науки, литературы и искусства.

М. А. Коростовцев сделал ряд замечаний по докладу, не согласившись с его положениями.

Х. А. Кинк (Ленинград) «Об особенностях связей Египта и Ханаана с окружающими странами в IV — начале III тыс. до н. э.». Х. А. Кинк показала, что импорт в обе страны ограничивался, главным образом, предметами украшения, керамикой и сырьем для изготовления украшений. Предметы ввоза не имели существенного значения для экономики обеих стран, так как хозяйственные потребности удовлетворялись за счет местных ресурсов.

Выступая по докладу, Ю. Я. Перепелкин отметил, что Х. А. Кинк разрабатывает очень важную проблему — вопрос о влиянии культур одной страны на другую, вопрос о торговле в архаическую эпоху. На широком материале показано, что эта торговля не имела большого экономического значения.

Е. С. Богословский (Ленинград) «„Послушные призыву“ в хозяйствах частных лиц при XVIII династии». В докладе было показано, что новое для Египта периода XVIII династии понятие *šdm š* («послушный призыву») в хозяйствах частных лиц применялось по отношению ко всем работникам какой-либо усадьбы. Оно не было собственно социально-экономическим, но все же имело и определенное социальное содержание. Среди «послушных призыву» в частной усадьбе были люди, имевшие собственные хозяйства и собственных «послушных призыву», но были и рабы, принадлежавшие владельцу усадьбы.

Выступив в прениях, И. С. Кацнельсон отметил, что доклад интересен и содержателен, но что следовало бы сопоставить «послушных призыву» с уже изученными социально-экономическими категориями, например римскими клиентами. Ценность и особенность доклада, возразил И. С. Кацнельсону М. А. Коростовцев, в том и состоит, что он очень конкретен, а предлагаемые аналогии стирают специфику; весьма наглядно показано, что одним термином «послушные призыву» обозначены социально разные люди. Ю. Я. Перепелкин указал, что аналогия с римскими клиентами ошибочна: понятие «послушный призыву» — не социально-экономическое, а скорее социально-бытовое; доклад является фрагментом из диссертации, представляющей собой капитальный труд о «послушных призыву»; построенная на разнообразных источниках, эта работа вносит ценный вклад в египтологию.

Н. Е. Семпер (Москва) «Элементы содержания двух амарнских гимнов Солнцу». Доклад, носивший источниковедческий характер, был посвящен сопоставлению «Большого» и «Малого» гимнов Солнцу, их делению, систематизации элементов содержания по смыслу. На этой основе был предпринят опыт определения религиозно-философской концепции Эхнатона.

По докладу выступил Ю. Я. Перепелкин.

О. Д. Берлев (Ленинград) «Сокол, плывущий в ладье, — иероглиф и бог»⁹.

Выступивший в прениях М. А. Коростовцев охарактеризовал доклад как очень интересное по форме и по содержанию исследование, раскрывающее многое в идеологии древних египтян, и отметил, что предложенное докладчиком чтение этого иероглифа как *nm-tj* (вместо традиционного *n-tj*) полностью доказано; в докладе сочетается большое уважение к предшественникам с большой смелостью и полной самостоятельностью поиска. И. С. Кацнельсон и Т. Н. Савельева присоединились к высокой оценке доклада. Ю. Я. Перепелкин отметил, что наблюдение О. Д. Берлева имеет большое значение не только для истории египетского языка, письменности, идеологии, но и для целого ряда других проблем.

Е. Н. Максимов (Москва) «Некоторые проблемы офитского гнозиса». Доклад был посвящен исследованию космогонических представлений, бытовавших в гностической системе секты офитов и попытке проследить египетское влияние на представления офитов о первородном хаосе, о создании неба, о демпурге, о змее.

Выступившая в прениях Н. В. Пизулевская приветствовала возобновление исследований по офитскому гнозису и отметила, что в докладе интересно и последовательно рассмотрены отдельные проблемы взаимовлияния разных религий и систем познания.

СЕКЦИЯ ИРАНИСТИКИ

Заседания секции проходили 7 и вечером 8 февраля под председательством И. М. Оранского.

И. М. Оранский «Древнеиранская филология в СССР (1917—1967)». Охарактеризовав уровень развития древнеиранской филологии в России к 1917 г., докладчик остановился на новых задачах в этой области, вставших перед учеными в связи с культурным строительством и разработкой древней истории народов советских республик Средней Азии и Закавказья. Особое внимание было уделено развитию советской школы древнеиранской филологии, созданию новых научно-педагогических центров, школах древнеиранской филологии, созданию новых научно-педагогических центров, а также исследованиям памятников древне- и среднеиранских языков (хорезмийские тексты, согдийские документы с горы Муг, парфянский архив из Нисы, бактрийские памятники и др.).

В прениях по докладу выступил А. Н. Болдырев, отметивший особое значение систематической библиографии советских работ по древнеиранской филологии, положенной в основу доклада. В. А. Лившиц отметил, что доклад по своему значению выходит за рамки чисто библиографической работы, и предложил более критически оценить достижения советских иранистов в рассматриваемой области, указав на ряд отраслей, резко отстающих от уровня мировой науки, и на невысокий уровень преподавания и исследования истории иранских языков во многих республиканских центрах (Баку, Ереван, Ташкент, Душанбе); по существу и до сих пор серьезные исследования по древнеиранской филологии ведутся лишь в Ленинграде и Москве; различия в чтении и истолковании советскими согдологами одних и тех же текстов (ряд документов, вошедших в три выпуска серии «Согдийские документы с горы Муг») свидетельствуют о недостаточной квалификации исследователей этих текстов. Л. Т. Гюзальян в своем выступлении также коснулся архива документов с горы Муг; различия в интерпретации этих памятников он склонен объяснять специфическими трудностями этих текстов (сложная палеография, новая лексика и др.) и видеть в этих различиях признаки роста советской согдологии.

И. Н. Хлопин (Ленинград) «Локализация реки Ак Геродота». Привлекая археологические материалы, докладчик предложил отождествить Ак (ᾠΑχης) с современным Атреком. Значительное место в докладе было уделено критике гипотез о существовании доахеменидского государства «Большого Хорезма».

В обсуждении доклада приняли участие А. М. Беленицкий, В. М. Массон, Э. А. Грантовский, В. А. Лившиц. По мнению В. М. Массона, предложенное отождествление реки Ак лучше предлагавшихся ранее (в частности, Ак-Теджен — Герируд у Маркварта и некоторых других исследователей), однако оно нуждается в подкреплении новыми археологическими данными. Э. А. Грантовский подчеркнул, что рассказ Геродота основан на сочинениях его предшественников (прежде всего Гекатея), и не согласился с данной А. М. Беленицким оценкой И. Маркварта (автора гипотезы о «Большом Хорезме») как ученого, самостоятельно разрабатывавшего лишь филологические проблемы. По мнению В. А. Лившица, вопрос о существовании «Большого Хорезма» (государственного образования, включавшего в себя Парфию, Дрангиану и Гирканию, но находившегося под контролем хорезмийцев, в этот период, согласно сообщению Гекатея, живших к востоку от парфия) не может решаться только в полноте от той или иной локализации реки ᾠΑχης; для этой локализации следует в полной мере учитывать весь перечень народов, населявших, согласно Геродоту, земли,

⁹ Доклад опубликован в ВДИ, 1969, № 1, стр. 3—30.

орошавшиеся этой рекой (в частности — сарангиев, жителей Дрангианы, и до сих пор не отождествленных таманеев).

И. Г. Алиев (Баку) «О некоторых вопросах ранней истории ариев». В докладе была сделана попытка точнее определить ареал распространения арийских племен в III тыс. до н. э. Основываясь на археологических и лингвистических данных (в частности на греко-арийских и армяно-арийских изоглоссах), автор приходит к выводу о тесных контактах индо-иранских, греческих и армянских племен на рубеже III—II тыс. до н. э.; ареал распространения ариев в этот период связывается с зоной катакомбной культуры.

Э. А. Грантовский, выступивший в прениях, отметил несистематичность лингвистических сопоставлений, сделанных в докладе, предостерег против решительных отождествлений археологических культур с определенным этносом и выразил серьезные сомнения в справедливости отнесения к ариям населения Средней Азии во II тыс. до н. э.

В. О. Тюрин (Ленинград) «Древнеперсидская лексика в эламском обличье». В докладе была дана сводка древнеперсидских слов и оборотов, уже выявленных ранее в эламских текстах, и охарактеризована методика опознавания персидской лексики в этих памятниках. Заключение часть доклада была посвящена трактовке древнеперс. *var-taniya-* «обязанный выполнением», засвидетельствованным, согласно мнению В. О. Тюрин, в эламской версии надписи DNa.

Докладчику был задан ряд вопросов относительно системности в передаче персидской лексики в эламских текстах и относительно соотношения различных версий надписи DNa.

А. Г. Периханян (Ленинград) «О преемстве и наследовании в сасанидском Иране». Доклад построен на материалах *Matakdan-e hazār dāstān*. В результате анализа среднеперсидских терминов, встречающихся в Судебнике и в ряде других пехлевийских текстов, А. Г. Периханян пришел к выводу, что общим термином, передававшим понятие «наследник», служил среднеперс. *xvāstakdār*, откуда арм. *xostakdar*: это любое лицо, приобретшее (по передаче или по трансмиссии) имущество другого лица в свое наследственное владение; оно может быть естественным преемником наследователя, либо просто наследником имущества. Понятие «преемство, трансмиссия» передавалось среднеперсидским термином *arāmānd*. Сасанидское право знало две формы преемства: а) преемство, выпадающее на долю необходимых наследников субъекта — его сыновей и дочерей (но не единственной дочери), а также его вдовы (при наличии и другого преемника) — так называемый *arāmānd pat xvēših* (характер последнего близок римскому институту универсального наследства); б) преемство субститутивное (среднеперс. *arāmānd pat stūrīh*), имевшее три разновидности. Субститутивный преемник (*stūr*) не являлся наследником имущества.

Ю. А. Заднепровский (Ленинград) «Сармато-аланы в Северном Иране в первые века н. э.». В основу доклада были положены материалы, добытые в 1960 г. Иракско-Иранской археологической экспедицией Университета Токио (руководитель работ Намио Эгами) при раскопках могильников Норуз-махале и Хорамруд в Дайламане (юго-западное побережье Каспийского моря). По мнению автора, расхожащегося в трактовке памятников с японскими археологами, исследованный комплекс содержит пертове на территории Ирана катакомбные захоронения и не находит аналогий в других районах самого Ирана. Анализ конструкции могил и инвентаря обнаруживает наибольшее сходство с аланскими комплексами Северного Кавказа. По мнению докладчика, могильники Дайламана могут принадлежать одной из групп сармато-аланских племен, прошедшей через этот район в I—II вв. н. э.

В ходе прений *Б. И. Маршак* отметил, что автор в докладе значительно ослабил категоричность сформулированного в тезисах утверждения о принадлежности катакомбной культуры аланам; для выводов, сделанных докладчиком, сходства только типа захоронения, без совпадения деталей, недостаточно; недоказанной остается и датировка могильников первыми веками н. э. *И. Г. Алиев* поддержал точку зрения докладчика. *Э. А. Грантовский* подчеркнул, что независимо от того, насколько правилен вывод о движении алан в полосу Юго-Западного Прикаспия, весьма важно уже само сходство культур Дайламана и тех памятников, которые достаточно уверенно могут быть отнесены к кругу аланских или алано-сарматских. *С. С. Черников*, отметив важность проблемы движения скотоводческих племен на юг, сказал, что катакомбные захоронения мало характерны для сарматов, а обнаруженные в дайламанских могильниках мечи больше походят на скифские. *В. А. Лившиц* указал, что надпись на глиняном пряслице, обнаруженном в Западном Казахстане, толкуемая Я. Харматой как парфянская и послужившая основой для реконструкции целой цепи событий истории алан и их взаимоотношений с Парфянской державой (эта реконструкция отразилась весьма сильно на содержании и выводах доклада), вряд ли является парфянской; есть основания сомневаться и в том, являются ли вообще надписью резы и царапины на этом пряслице.

Г. А. Тирацян (Ереван) «О некоторых вопросах тореvтики Армении ахеменидского времени». В докладе рассмотрены произведения тореvтики и ювелирного ремесла, обнаруженные на территории Армении и датированные в большинстве случаев V—IV вв. до н. э. Некоторые из них обнаруживают явные связи с памятниками монументального искусства собственно Ирана, а также с предметами ахеменидской тореvтики, происходящими из западных центров империи. Привлекая урартские материалы, докладчик устанавливает наличие стилистических и типологических признаков, позволяющих сделать вывод о местном производстве части предметов рассматриваемой коллекции; автор приходит к выводу о возможном продолжении деятельности урартских ювелиров в ахеменидское время.

При обсуждении доклада Э. А. Грантовский отметил, что, как можно судить по иллюстративному материалу, продемонстрированному докладчиком, лишь некоторые из анализируемых предметов можно достаточно уверенно относить к ахеменидскому периоду; для других возможна и более ранняя дата. Г. А. Тирацян в заключительном слове отметил, что рассмотрение проблем сложения ахеменидского искусства не вошло в задачу доклада; основная его цель — проследить связи урартского искусства с памятниками, происходящими с территории ахеменидской Армении.

И. М. Оранский (Ленинград) «К имени бактрийского (?) вождя Κατάνης (IV в. до н. э.)». По мнению докладчика, засвидетельствованная древнеиранская лексика в данном случае не дает возможности установить достаточно надежную этимологию. Сопоставление имени Κατάνης с совр. тадж. kalon «большой, старший», тадж. обл. (дарв.) katanā «большой», пуганско-бартагско-рушанским katanāk «большой» и т. д. приводит докладчика к выводу, что это имя может быть однокоренным со всей этой группой слов и осмысливается таким образом, как «большой, старший, старшой, великий» и т. п. При этом постулируется возможность проникновения в таджикский (и персидский) язык восточноиранских субстратных слов, отражающих переход -t->-l-(как в афганском).

Выступивший по докладу В. А. Лившиц указал на ряд фактов, противоречащих, по его мнению, выводу докладчика; имя Κατάνης может быть с большим успехом понято как восходящее к засвидетельствованному в Авесте и во многих средне- и новоиранских языках корню kan-, kā- «жаждать, желать» (ср. авестийское имя Kāta-, по форме — причастие от kan-); слово kalān «большой» засвидетельствовано уже в парфянском, оно представлено в диалектах Юго-Западного Ирана (Лар и др.), что заставляет сомневаться в правомочности отнесения его к восточноиранскому слою; переход -t->-l- известен только в афганском, письменный бактрийский и другие восточноиранские языки древности этого перехода не знают. Восстановление древнеиранских протоформ по данным новоиранских и тем более тюркских языков требует большой осторожности и максимально полного учета всех материалов (узбекское kattā, известное и по ряду других тюркских языков, нет достаточных оснований считать иранским; напротив, пуганское katanak, равно и таджикское и ягнобское katta, можно с успехом истолковывать как заимствование из тюркского).

И. В. Пьянков (Душанбе) «Саки». В докладе были изложены некоторые результаты исследования, предпринятого совместно с В. А. Литвинским и ставящего своей целью дать сводку археологических и исторических данных о сакских племенах Средней Азии и Восточного Ирана. Докладчик отметил многозначность термина «саки» в научной литературе и предложил отличать «саков» — восточных иранцев — от «саков» — носителей весьма широкого круга археологических культур (ср. значения термина «скифы»).

Выступивший в прениях Э. А. Грантовский не согласился с предлагаемым расчленением термина «саки». С. С. Черников возражал против прямого отождествления предков саков с андроновцами, а также против тезиса о единстве сакской культуры. И. М. Оранский высказал опасение по поводу слишком широкого охвата весьма различных по характеру проблем, для решения каждой из которых требуются самостоятельные исследования; по его мнению, следует проявлять большую осторожность при попытках отождествления конкретной археологической культуры с некоей языковой общностью. В заключение И. В. Пьянков согласился с некоторыми замечаниями, касающимися методики сопоставления археологических и лингвистических данных, и вновь подчеркнул целесообразность разделения значений термина «саки» и настаивал на возможности отождествления предков иранцев (геср. саков) с носителями андроновской культуры.

СЕКЦИЯ ИНДОЛОГИИ И ЮГО-ВОСТОЧНОЙ АЗИИ

Заседания секции проходили вечером 6 февраля и утром 7 февраля под председательством Г. М. Бонгард-Левина. Председатель отметил как характерную особенность текущей сессии объединение специалистов по Индии и Юго-Восточной Азии в рамках одной секции, что оправдано культурной и экономической близостью этих районов в древности, а также объединяющим элементом буддизма в их культурах.

Ю. Н. Маретин (Ленинград) «Торговля в южных морях в I—VII вв. н. э. и ее роль в социально-экономическом развитии Малайи и Индонезии». Охарактеризовав морские

торговые связи Юго-Восточной Азии с Южной Индией и Китаем (через посредство южнокитайских народов юэ), докладчик с особым вниманием остановился на той роли, которую играли в этой торговле сами жители Малайи и Индонезии. Развитие обмена оказало большое влияние на экономику архипелага, ускорило разложение общинно-родовых отношений, привело к бурному росту городов и государств.

Выступившие в прениях по докладу В. И. Кальянов, Г. М. Бонгард-Левин и Ю. М. Кобицанов отметили, что доклад представляет большой интерес не только для специалистов по Юго-Восточной Азии, но и для индологов и для африканистов.

Н. Ю. Лубоцкая (Москва) «К вопросу об истоках некоторых форм древнеиндийской юридической практики». Доклад посвящен вопросу о связи некоторых форм древнеиндийского права с религиозно-магическими ритуалами (на примере «божьего суда»), засвидетельствованного в древнеиндийских юридических трактатах (дхармашастрах). По мнению докладчика, древнейшей целью использования ордалий было ритуальное очищение.

Доклад вызвал большой интерес у присутствовавших и множество вопросов к докладчику по деталям индийских ордалий.

М. Шетелух (ГДР) «Some Problems of Early Class Society in India». В докладе сделана попытка увязать два изучавшихся ранее изолированно процесса в развитии классового общества древней Индии: изменение статуса варны шудры и индийских форм рабовладения, с одной стороны, и процесс развития сельской общины, — с другой. При таком подходе устраняется противоречие между двумя научными концепциями в изучении классовой структуры древнеиндийского общества: концепцией «рабовладельческого общества» и концепцией «азиатского способа производства».

Доклад вызвал оживленное обсуждение.

А. Я. Сыркин (Москва) «Символика поэмы Джаядевы „Гитаговинда“». «Гитаговинда», по мнению докладчика, отразила своеобразное соотношение «светского» и «культурного» начал, характерное и для других проявлений индуистской культуры. А. Я. Сыркин привел некоторые параллели символике поэмы в индийской литературе и ряд аналогий, почерпнутых из материала других культур.

Доклад вызвал оживленное обсуждение.

Г. М. Бонгард-Левин «Западная царица и камбоджийцы древнего Цейлона». В докладе были представлены новые данные, подтверждающие теорию о происхождении цейлонских сингалов из Западной Индии (свидетельства Махавамсы и ряда эпиграфических памятников, отразивших процесс проникновения на Цейлон племен, выходцев из греческой колонии в Арахосии, и камбоджийцев, также жителей Арахосии в районе Кандагара). Свидетельство Махавамсы о существовании на Цейлоне культа «Западной царицы» Г. М. Бонгард-Левин сопоставляет с записанной Сюань Цзяном легендой о происхождении сингалов, в которой упоминается страна «западных женщин», расположенная в Иране и управляемая сестрой первого цейлонского царя. Факт тесного и восходящего к глубокой древности контакта сингалов с Северо-Западной Индией и сопредельными районами свидетельствует, по мнению Г. М. Бонгард-Левина, о западноиндийском происхождении сингалов, на протяжении ряда веков после переселения поддерживавших связи со своей первоначальной родиной.

Выступавшие в прениях Э. А. Грантовский, Ю. Н. Маретин, А. М. Пятигорский и другие высоко оценили значение доклада, отметив, что изучение связей древнего Цейлона с другими странами послужит не только для локализации родины сингалов, но также и для решения ряда других проблем истории стран древнего Востока.

А. М. Пятигорский (Москва) «Общая схема йоги и древнеиндийская теория поведения». Доклад посвящен определению некоторых исходных положений для описания йогических текстов. Докладчик выступил против представления о йоге как об определенной религиозной практике; на первое место следует поставить доктринальный план йоги, определяющий план практический. Характеризуя терминологию некоторых ранних буддийских памятников как йогическую, А. М. Пятигорский возводит истоки доктринального йогического знания к йогической практике к середине I тыс. до н. э.

В ходе обсуждения доклада Г. М. Бонгард-Левин высказал свою точку зрения, что ранние буддийские тексты нельзя считать йогическими и что корни их психологической терминологии следует искать скорее в доисторической шаманистской «прелюдии», нежели в йогической системе, близкой к той, что зафиксирована поздними сутрами Панджалы. А. М. Пятигорский в своем ответе указал, что бесспорно йогическая терминология содержится во всех буддийских сутрах, начиная с самых ранних палийских текстов, и что в «Тхераваде» и «Тхериваде» из 100 псалмов в 80 эта терминология наличествует в разработанном виде.

СЕКЦИЯ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА

Заседания происходили 6 февраля утром и 7 февраля вечером под председательством С. Е. Яхонтова.

С. Е. Яхонтов (Ленинград) «К вопросу о лингвистических критериях датировки древних китайских текстов». В докладе были приведены новые бесспорные данные

о том, что лингвистическим признаком подлинности древнего китайского текста является наличие в его грамматической системе специфических особенностей, которые нельзя обнаружить без специального лингвистического исследования и поэтому невозможно было подделать или имитировать. По словам докладчика, встречающееся в литературе утверждение, что диалект памятника может быть в действительности диалектом не автора его, а одного из позднейших переписчиков, не выдерживает критики: ошибками переписчика (или резчика — в случае печатной книги) могут быть вызваны отдельные отклонения от системы, но никак не создана сама система. Тексты, обладающие собственным диалектом, встречаются примерно до середины III в. до н. э. Язык более поздних произведений обычно представляет собой компромисс между разговорным языком соответствующей эпохи и языком литературы предшествующих эпох. Древний текст должен быть признан поддельным, если в нем неоднократно встречаются грамматические и лексические элементы, появившиеся в языке значительно позднее мнимой даты создания этого текста.

Доклад С. Е. Яхонтова вызвал оживленную дискуссию.

В. А. Рубин (Москва) «К оценке социально-политических взглядов Чжуан-цзы». Исходя из общего положения, гласящего, что Чжуан-цзы противопоставлял природу как нечто первозданно чистое, истинное и вольное, цивилизованному человеку — существу подневольному и испорченному искусственностью культуры и нравственно-сти, докладчик обнаруживает в учении Чжуан-цзы негативный подход к социальной действительности, который вряд ли можно считать прогрессивным. Докладчик показывает, как из неприятия всей цивилизации своего времени у Чжуан-цзы возникают призывы к уничтожению образования и культуры, порой переходящие в проповедь эсхатологической борьбы против всего сущего мира. Симпатия к простым людям, замеченная в творчестве Чжуан-цзы рядом исследователей, говорит докладчик, оказывается следствием тоски по примитивности и безыскусственности и отнюдь не приводит его к мысли о необходимости что-либо сделать для улучшения их положения.

Ян Хин-шун (Москва) «Общее и особенное в древнекитайской философии». Докладчик обратил внимание собравшихся на то, что в древнем Китае, как и в древней Греции и Индии, философская мысль формировалась и развивалась в процессе борьбы материализма с идеализмом, диалектики с метафизикой. Здесь, по его словам, наивно-материалистические и стихийно-диалектические взгляды в своем развитии, с одной стороны, опирались на первоначальные атеистические идеи, а с другой, на естественно-научные знания того времени. Как далее отметил докладчик, в силу исторических особенностей, обусловленных сохранением родо-патриархальных традиций и их преобладающим влиянием в первом классовом обществе, в древнем Китае философские учения различных школ были направлены, главным образом, на поиски путей решения социально-этических и политических задач; здесь постановка и решение важнейших философских проблем и в первую очередь основного вопроса философии происходили в рамках различного понимания пути (*дао*) природы, общества и судьбы человека. Докладчик подчеркнул, что категория *дао* представляет собой наиболее развитую в древний период форму понятия о законе как сущности бытия. Тем не менее, по словам докладчика, в древнем Китае материализм, остановившийся на таких понятиях, как *син*, *ци*, *дао* и др., не дошел до атомизма, а идеализм, сосредотачивая свое главное внимание на этических проблемах, не выдвинул ни одной стройной общеполитической системы.

К. А. Попов (Москва) «Историко-географическое описание древней Японии (Ко-Фудоки)». Докладчик рассказал о работе над переводом и изучением текста «Фудоки», древнеяпонского письменного памятника, содержащего документальные записи о Японии начала VIII в. Текст «Фудоки» был создан на основании специальных докладов, представленных наместниками провинций центральному правительству. Сейчас сохранились материалы докладов, полученных только из пяти провинций. Докладчик отметил высокую художественную ценность ряда записей легенд и сказаний, содержащихся в «Фудоки», которые отражают, по его словам, древнеяпонское фольклорное творчество.

Ю. Л. Кроль (Ленинград) «Древнейшие в Китае законы о превышении власти чиновниками, о наказании чиновников за недоносительство и проблема статуса бюрократии». В докладе показано, что развитое представление о разделении служебных функций между чиновниками существовало в Китае уже в V—III вв. до н. э. и было связано с теорией организации бюрократии и контролем над нею — доктриной *син мин* Шэнь Бу-хая. Шэнь выдвинул и тезис о недопустимости превышения власти чиновниками. Стремясь к централизации системы управления и к созданию соответствующего жесткого статуса для бюрократии, империя Цинь использовала не только законы Шан Яна, но и теории Шэнь Бу-хая, отредактированные Хань Фэем. В соответствии с этим циньские законы рассматривали доносы чиновников друг на друга как служебную обязанность, карали за недоносительство и за критику. Аналогичная циньской централизация системы управления со всеми сопутствующими ей явлениями была осуществлена

ханьским У-ди. При нем циньский статут о наказании чиновников за недоносительство подвергся «конфуцианизации», сказавшейся в учете умысла при вынесении приговора.

Р. Ф. Итс (Ленинград) *«Наньюэ — царство древних чжуанов»*. Докладчик собрал большое количество фактических данных, наглядно свидетельствующих, что государство Наньюэ, созданное в III в. до н. э. китайским полководцем Чжао То, было по своему этническому составу боюэским. Оно почти столетие противостояло китайской экспансии на юг за Янцзы. Докладчику удалось установить, что после гибели Наньюэ его земли продолжали входить в состав этнической территории потомков боюэ — народа *чжуан*.

Ю. В. Ионов (Ленинград) *«Сообщение китайской летописи III в. Саньго-чжи об обряде „поклонения пещере“ у когурёсцев»*. В докладе приведены данные, свидетельствующие, что упомянутый в китайской летописи древний корейский обряд «поклонения пещере» генетически восходит к культу медведя, имеющему в Корее архаические тотемистические корни.

Некоторые из выступавших в прениях по этому докладу обратили внимание на то, что не все выводы Ю. В. Ионовой находят подтверждение в материалах средневековых письменных памятников Кореи.

М. В. Воробьев (Ленинград) *«Царство Ематай — этап древней истории Японии»*. Доклад посвящен анализу ранних китайских известий о сложении первых племенных союзов на японских островах, в первую очередь разделу летописи «Вэй чжи» (часть «Сань го чжи»), описывающему события III в. Вследствие позднего происхождения японских исторических хроник (VIII в.), в которых первые достоверные сведения относятся к V в., содержание этого источника приобретает исключительный интерес. По словам докладчика, царство Ематай, жители которого в этническом отношении, вероятно, мало отличались от остального населения японского архипелага, в III в. находилось на стадии образования племенного союза, в котором вызревали элементы государственности. Докладчик пришел к выводу, что в политическом и культурном отношении Ематай в то время превосходил Ямато, следовательно, царство Ематай являлось наиболее ранним из известных до сей поры этапов политической истории древней Японии.

Н. А. Иофан (Москва) *«О развитии иконографии в Японии в V—VIII вв.»*. Докладчица отметила, что скульптурные изображения типа *ханива*, созданные в период расцвета курганной культуры, являлись воплощением религиозных представлений, распространенных среди жителей царства Ямато. В это время в Японии происходило сложение местной иконографической традиции. По словам докладчицы, развитие древнеяпонского искусства было прервано вторжением китайской культурно-религиозной традиции, сформировавшейся на совершенно ином этапе общественного развития. Сложение местного иконографического канона в процессе адаптации буддийской религии и культуры сопровождалось заимствованием, а также переработкой чужеземного канона в монументальных памятниках культового искусства и завершилось появлением местной традиции. Последняя характеризуется воскрешением и усилением иконографических традиций, восходящих к добуддийскому периоду, что является следствием сложения японского эстетического идеала.

А. А. Серкина (Москва) *«Языковые отличия в гадательных надписях»*. По словам докладчицы, древнейшее китайское письмо не являлось письменностью в собственном смысле слова, так как система фонетических референтов отсутствовала. Оно не могло быть использовано для фиксации звучащего языка и предназначалось не для общения с людьми, а для общения с душами предков, с божествами. Тем не менее, в гадательных надписях проявляются синтаксические различия, отражавшие различия в строе языка гадавших. Так, определение могло стоять не только до, но и после определяемого. Сказуемое могло следовать за дополнением, что является синтаксическим явлением, характерным для тибето-бирманских языков. По мнению докладчицы, отмеченные ею грамматические различия отражали, по-видимому, неоднородность этнической среды гадавших.

Э. М. Янишина (Москва) *«К определению жанра песен „Большое поле“ и „Широкое поле“ из свода песен II—I тыс. до н. э.»*. Э. М. Янишина отметила, что в фольклоре песня может перейти из устной формы в письменную, может переменить функцию, но никогда не теряет признаков своей первоначальной жанровой принадлежности. Главная тема не теряет признаков своей первоначальной жанровой принадлежности. Главная тема песен, анализируемых в докладе, — земледельческий труд, показ производственного процесса и его обрядового значения. Производственный процесс в песне «Большое поле» описан средствами, характерными для песен заклинательного типа, которые свойственны аграрным культам. Докладчик утверждает, что ясная четкая членность описанных в песне этапов производственного процесса делает ее очень сценичной, удобной для представления во время культового действия. По словам докладчицы, песня «Широкое поле» близка к первой и по теме, и по своим жанровым признакам. Ее композиция и другие особенности содержания подтверждают, что эта песня — заклинание аграрного календарного типа.

Заключительное пленарное заседание IV сессии по древнему Востоку состоялось 9 февраля утром. Заседание было посвящено обмену информацией и принятию резолюций.

И. Г. Алиев (Баку) сообщил о работах по исследованию древнего Востока, ведущихся в Азербайджане. Изучение древнего Востока в Баку сосредоточено в Институте истории и ведется только в направлении разработки истории Албании и других государственных образований, находившихся на территории Азербайджана.

И. М. Дьяконов (Ленинград) выразил сожаление по поводу узости тематики исследований, проводимых в союзных республиках. Объем задач по изучению всемирно-исторического процесса в эпоху древности не меньше объема задач, стоящих перед историками средних веков и нового времени, между тем всеми странами древности, от Японии до Египта, в Москве и Ленинграде занимаются очень маленькие коллективы. Если кадры, выросшие в национальных республиках, будут заниматься только своей национальной историей, забывая, что ни одна национальная история не может быть понята вне рамок всемирно-исторического процесса, то мы никогда не сдвинемся с места. Поэтому *И. М. Дьяконов* призвал древневосточников Закавказья и Средней Азии включить в круг изучаемых проблем историю и других стран. Он отметил также, что в самом Азербайджане изучение истории древнего Востока не ограничивается только одним Институтом истории.

С сообщением о работе грузинских востоковедов — специалистов по древности — выступила *Н. В. Хазарадзе* (Тбилиси). Систематическая работа по изучению древнего Востока в Грузии ведется в Институте истории, археологии и этнографии и в Институте востоковедения. В Институте востоковедения группа специалистов под руководством *Т. В. Гамкрелидзе* разрабатывает вопросы древневосточных языков и литературы. Проблемами социально-экономической истории древневосточных государств занята в Институте истории, археологии и этнографии группа ученых, возглавляемая *Г. А. Меликишвили*.

Г. А. Тиранян (Ереван) познакомил присутствующих с работами армянских специалистов по древнему Востоку. Древневосточная тематика разрабатывается в Ереване в трех институтах: в Институте археологии и этнографии, в Институте истории и в Институте языка. Основные направления работ в Институте истории — вопросы истории древневосточных государств, издание клинописных памятников. Изучение связей армянского языка с языками Малой Азии и Кавказа ведется в Институте языка. Сотрудники института археологии и этнографии ведут раскопки урартских памятников, занимаются их исследованием и разработкой вопросов военно-политической истории Урарту. *Г. А. Тиранян* отметил, что и в исследованиях востоковедов Армении древневосточная проблематика занимает лишь второстепенное место, подчиненное исследованиям по истории и культуре Армении.

С информацией о состоянии древневосточных исследований в Институте востоковедения АН СССР выступил *М. А. Коростовцев* (Москва). В институте представлены египтология, иранистика, синология, индианистика. Работа ведется над проблемами истории, литературы, культуры и лингвистики.

М. А. Дандамаев (Ленинград) сообщил о работе исторической группы Отдела древнего Востока Ленинградского отделения Института востоковедения АН СССР. В группе представлены египтология, иранистика, синология, ассириология, кумранистика, коптоведение. Исследования ведутся в области истории, социально-экономической истории, истории культуры, лингвистики. Особое внимание уделяется изучению экономических явлений на древнем Востоке, вопросам торговли, денег, кредита. *М. А. Дандамаев* обратил внимание на недопустимую узость проблематики исследований в союзных республиках.

Работе кабинета Ближнего Востока Ленинградского отделения Института востоковедения было посвящено выступление *Н. В. Пигулевской*. В кабинете ведутся исследования по общей семитологии, синологии и сабенистике. Основной круг проблем, которыми занимаются сотрудники кабинета — социально-экономическая и политическая история, лингвистика, история литературы.

О работе филологической группы кабинета древнего Востока ЛО ИВ сообщил *И. М. Дьяконов* (Ленинград). Главная задача, стоящая перед группой, — разработка малоисследованных языков и письменностей древнего Востока (протохеттский, «хеттский иероглифический», шумерский, аккадский, урартский, бактрийский, парфянский), издание памятников. Наряду с этим ведется работа над сасанидскими (А. Г. Периханян) и клинописными (В. А. Якобсон) правовыми документами.

В. К. Афанасьева (Ленинград) сделала сообщение о работе Отдела Востока и Отделения древнего Востока Государственного Эрмитажа. В Отделе представлены египтология, ассириология, шумерология, урартология. Основное направление исследований — публикация памятников, разработка проблем истории культуры, искусства. Кроме того, ведется работа над дешифровкой протошумерской письменности (А. А. Вайман).

Выступление *В. И. Кальянова* (Ленинград) было посвящено исследованиям по

древней Индии, ведущимся в Индийском кабинете ЛО ИВ. Работа ведется в области истории культуры, филологии и лингвистики.

К. А. Попов (Москва) сообщил о работе японистов Москвы и Ленинграда, занимающихся вопросами культуры, филологии, лингвистики, истории, литературы древней Японии. Выступавший указал на отсутствие координации в работе между московской и ленинградской группами японистов.

И. М. Дьяконов (Ленинград) отметил экспериментальные работы, проводимые по дешифровке протоиндийской письменности группой Ю. В. Кнорозова в Институте этнографии (Ленинград).

С информацией о древневосточных исследованиях в Германской Демократической Республике выступил Х. Кленгель. Изучением древнего Востока занимаются в Берлине (Переднеазиатский музей, Институциональный комитет для подготовки следующих сессий и координационной работы между ними. В состав Постоянного Оргкомитета были избраны: М. А. Коростовцев (председатель), Н. В. Пигулевская, Б. Б. Пиотровский, М. А. Дандамаев (ответственный секретарь), Г. М. Бонгард-Левин (ответственный секретарь), И. М. Дьяконов, Г. А. Меликишвили, И. Г. Алиев, Г. Х. Саркисян, Г. А. Тирацян, Ю. Б. Юсифов, Г. Г. Гиоргадзе, Н. М. Постовская.

Г. М. Бонгард-Левин (Москва) указал на высокий научный уровень сессии и отличную работу Оргкомитета и внес предложение строить работу следующей сессии по нескольким, ранее объявленным генеральным темам.

Э. А. Грантовский (Москва) остановился подробнее на работе Отдела древнего Востока ИВ.

На пленарном заседании была принята развернутая резолюция, содержащая как ряд постановлений сессии, так и обращения к иным организациям. Сессия постановила избрать свой Постоянный организационный комитет для подготовки следующих сессий и координационной работы между ними. В состав Постоянного Оргкомитета были избраны: М. А. Коростовцев (председатель), Н. В. Пигулевская, Б. Б. Пиотровский, М. А. Дандамаев (ответственный секретарь), Г. М. Бонгард-Левин (ответственный секретарь), И. М. Дьяконов, Г. А. Меликишвили, И. Г. Алиев, Г. Х. Саркисян, Г. А. Тирацян, Ю. Б. Юсифов, Г. Г. Гиоргадзе, Н. М. Постовская.

Следующую сессию было решено созвать в 1971 г., а до тех пор в порядке подготовки к V Международному конгрессу историков-экономистов провести две небольшие тематические сессии — «Международная торговля, кредит и деньги на древнем Ближнем Востоке» и «Городская община на древнем Ближнем Востоке: общественное бытие и общественное сознание».

В резолюции сессии отмечено глубокое удовлетворение всех ее участников в связи с плодотворным участием в сессии ученых Германской Демократической Республики и выражается надежда на широкое участие ученых социалистических стран в работе дальнейших сессий по древнему Востоку.

Среди принятых сессией обращений было обращение к Комитету по делам печати при Совете Министров СССР и Президиуму АН СССР относительно мер по улучшению издания древневосточных исследований, а также приводимое ниже полностью обращение к академиям наук союзных республик, в котором участники сессии отметили:

«а) что перед сравнительно немногочисленным отрядом советских специалистов по древнему Востоку стоит задача изучения всего исторического процесса (социально-экономической истории, истории культуры, языков и письменности) на столь же обширной территории стран Азии и Африки, как и перед специалистами по средневековому и современному Востоку; б) что при этом по количеству источников древний Восток часто представлен значительно обильнее, чем более поздние эпохи истории Азии и Африки, а количество наличных научных кадров по древнему Востоку во много раз меньше, чем изучающих любую более позднюю эпоху; в) что общенсторическими проблемами занимаются сейчас почти исключительно специалисты Москвы и Ленинграда и лишь в исключительных случаях — высококвалифицированные специалисты союзных республик; г) что в условиях ограниченности наличных кадров и при постоянных больших запросах научной общественности в области информации по проблемам всеобщей истории древнего мира, археологических открытий, теории и практики дешифровки древних письменностей и т. п. наблюдаются случаи (как в центре, так и в союзных республиках), когда за выполнение сложных научных и научно-пропагандистских задач берутся люди, не обладающие нужной квалификацией.

Учитывая эти обстоятельства, сессия единодушно находит, что стоящие перед советской наукой задачи изучения всемирно-исторического процесса и всеобщих явлений развития культуры и языка уже не могут сколько-нибудь успешно разрабатываться и решаться в области древнего Востока силами одних только специалистов Москвы и Ленинграда; по ряду конкретных тем уже сейчас им необходимы помощь и содействие со стороны некоторых из тех высококвалифицированных специалистов, которые имеются в союзных республиках. При этом, в соответствии с неоднократными указаниями классиков марксизма-ленинизма, без понимания всемирно-исторического процесса невозможно правильно понять и оценить также и процессы национальной истории каждого отдельного народа».

Перечень отдельных тем, по которым специалистам Москвы и Ленинграда, работающим в области изучения древнего Востока, нужна помощь со стороны сотрудников отдельных институтов академий наук союзных республик, в подлиннике приложен к резолюции. Перечень подготовлен Постоянным Оргкомитетом на основании данных, поступивших от различных научных учреждений Союза.

Предполагается, что планирование подобных тем будет происходить в порядке координации с Институтом востоковедения АН СССР и его Ленинградским отделением, как с головными институтами по изучению соответственно истории и языков Востока и его культуры, а также по согласованию с Постоянным Оргкомитетом сессий по древнему Востоку как несущим функцию взаимной информации специалистов о ведущихся в этой области работах.

*Е. С. Богословский, К. В. Васильев, Я. В. Васильков,
Г. Г. Гиоргадзе, И. Т. Канева, В. А. Лившиц,
И. Ш. Шифман, В. А. Якобсон*

КОНФЕРЕНЦИЯ ПО ПРОБЛЕМАМ АНТИЧНОСТИ

27—30 мая 1968 г. в Москве состоялась конференция по проблемам античности. Решение о регулярном (раз в два года) проведении таких конференций было принято на последней авторско-читательской конференции ВДИ¹ в 1966 г. Во исполнение этого решения советские ученые-антиковеды и собрались в мае 1968 г. для обсуждения нескольких научных проблем. В работах конференции приняли участие около 170 человек из 25 городов Советского Союза. Предложенные для обсуждения проблемы, как указал открывший конференцию *С. Л. Утченко*, были избраны не случайно, но (по крайней мере, три из четырех) в соответствии с предполагаемой программой работ Международного конгресса историков, который намечено провести в 1970 г. в Москве.

Эти проблемы были сформулированы так: 1) социальная структура стран Средиземноморья в античную эпоху; 2) политическое равновесие и международные связи в античном мире; 3) варварский мир, его роль в развитии и крушении античного общества; 4) эпоха, культура, стиль.

Для каждой проблемы был предусмотрен один основной доклад и несколько дополнительных, посвященных частным вопросам.

Перегруженность конференции докладами (от 5 до 11 по каждой теме) потребовала жестко регламентировать ее работу. Время для докладов и выступлений было ограничено. Для прений было отведено время после прочтения предусмотренных программой для каждой темы докладов.

Обсуждение первой проблемы (на двух заседаниях 27 мая) началось докладом *С. Л. Утченко* (Москва) «О социальной структуре античного общества». Докладчик подчеркнул, что при постановке вопроса о социальной структуре общества решающее значение для всякого марксистски мыслящего историка имеет вопрос о классовом членении этого общества. Еще сами древние признавали наличие социального неравенства, наличие социальных групп и рангов, но, конечно, современное представление о классах им было недоступно. Какова фактическая картина социальных отношений в античном мире? — спрашивает докладчик. Несомненно, замечает он, приходится говорить о чрезвычайной сложности, неоднородности и пестроте этих отношений. Поэтому необходимо прежде всего отказаться от представления об античном обществе как о «сколке» с модели классического капиталистического общества с его четко оформленными и поляризовавшимися классами, с его обязательным наличием двух основных антагонистических классов, да еще обладающих общеклассовыми интересами и идеологией. Классы в античном обществе, разумеется, существуют, но развитие частнособственнических отношений здесь никогда не достигает такой степени, чтобы мог учитываться только экономический признак и игнорироваться правовой и традиционный. Поэтому юридические барьеры имеют большое значение, и процесс классообразования не доходит до своего «логического конца», т. е. не приводит к созданию «чистых», — по терминологии В. И. Ленина, «бессловных» классов².

В докладе *Т. Д. Златковской* (Москва) «К вопросу о структуре фракийского общества в VII—V вв. до н. э.» речь шла о формах эксплуатации в Одрисском царстве — одном из наиболее ранних государственных образований у фракийских племен в северо-восточной части Балканского полуострова. В раннеклассовом фракийском обществе формы эксплуатации были многочисленны: 1) эксплуатация свободных крестьян-общинников царем, аристократией и парадинастами — заключалась в апроприации прибавочного продукта в виде натуральных поставок и, возможно, отработок. В этой форме эксплуатации можно усматривать тенденцию к развитию протофеодалных отношений; 2) рабство — было ограничено малочисленностью рабов (чаще всего прода-

¹ См. ВДИ, 1966, № 4, стр. 224.

² См. В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 6, стр. 311, прим.